

рый, услышав польскую речь, стал разговаривать с князем и его спутниками «по-славянски».¹²

Греческие проскинитарии по содержанию и стилю не принадлежат к художественной литературе. Это памятники практической письменности, содержащие сухие перечисления мест с указанием связанных с ними древне-библейских и евангельских воспоминаний. Как произведения коллективные, создававшиеся веками, они не имеют ни авторской окраски, ни национальных чертаний.

Вот, например, характерный стиль греческого «паломника» XIV в.:

«Потом там есть Голгофа, гора, где распяли Иисуса ... Потом есть место, где воины разделили его одежды ... Потом там есть обретение св. креста ... Потом следует тот столб, к которому привязали Иисуса».¹³

Сухой протоколизм изложения, отсутствие образного языка и выражения чувств возводятся авторами греческих «паломников» в догму. Автор начала IX столетия Елифаний после описания Палестины в стиле приведенной цитаты говорит: «Я написал всю истину, как я обходил и видел собственными глазами. Иначе же рассказывающий сам себя обманывает».¹⁴

В греческой паломнической литературе создается представление, что безыскусственное изложение о виденном почти адекватно личному зрительному восприятию. Иоанн Фока, путешествовавший по Востоку в 1185 г., так определяет цель своего описания: «Попытаемся, насколько хватит сил, начертать словом, как бы рисунок на доске, и, что мы видели непосредственно, изложить посредством письма. Ибо цель слова состоит в подражании видимой действительности».¹⁵

Чтобы придать больше реальности своим наблюдениям, паломники, иностранные и русские, постоянно прибегают к измерительному способу описаний, указывая меры расстояний, определяемые шагами, поприщами, у русских — верстами, «камни вержением» (в греческих проскинитариях *ὡς λίθου βολῆς*), «вержением от лука стрелы» (в проскинитариях *ὡς βολῆς ἀπὸ βουζαρίου βολῆς*), а также размеры предметов, количество их, особенно часто число ступеней и лампад. В этом измерительном методе паломник видел обязательную задачу своего описания. Поэтому Иона Маленький оправдывается, что он не мог все «премерити и гораздо дозрети страха ради турского».¹⁶

Следы влияния греческих проскинитариев в русской паломнической литературе заметны очень явственно. В исследовательской литературе нет непосредственных сопоставлений какого-либо русского «хождения» с определенным греческим проскинитарием, но некоторые произведения русской

¹² Похождения в Землю Святую князя Радиви́ла-Сиротки, 1582—1584. Приготовил к печати и объяснил П. А. Гяльтебрандт. Приложение к XV т «Известий Русского географического общества». СПб., 1879, стр. 75.

¹³ Неизвестный паломник XIV в. С предисловием А. Пападопуло-Керамевса и переводом Г. С. Дестуниса. — Православный Палестинский сборник, т. IX, 2, кн. 26. СПб., 1890, стр. 31. Проф. Дестунис стремился в русском переводе разнообразить стиль оригинала словами «потом» и «затем», на месте которых в этом оригинале одно союзное наречие *καί*.

¹⁴ Повесть Елифания о Иерусалиме и сухих в нем мест первой половины IX в. Под ред. проф. В. Г. Васильевского. — Православный Палестинский сборник, т. IV, 2, кн. 11. СПб., 1886, стр. 31.

¹⁵ Сказание вкратце о городах и странах от Антиохии до Иерусалима, а также Сирии, Финикии и о святых местах в Палестине, конца XII в., изданное в подлиннике и в русском переводе И. Троицким. — Православный Палестинский сборник, т. VIII, 2, кн. 23. СПб., 1889, стр. 30.

¹⁶ Повесть и сказание о походе в Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного диакона Ионы по реклому Маленького XVII в. Под ред. С. О. Долгова. — Православный Палестинский сборник, т. XIV, 3, кн. 42. СПб., 1895, стр. 15.